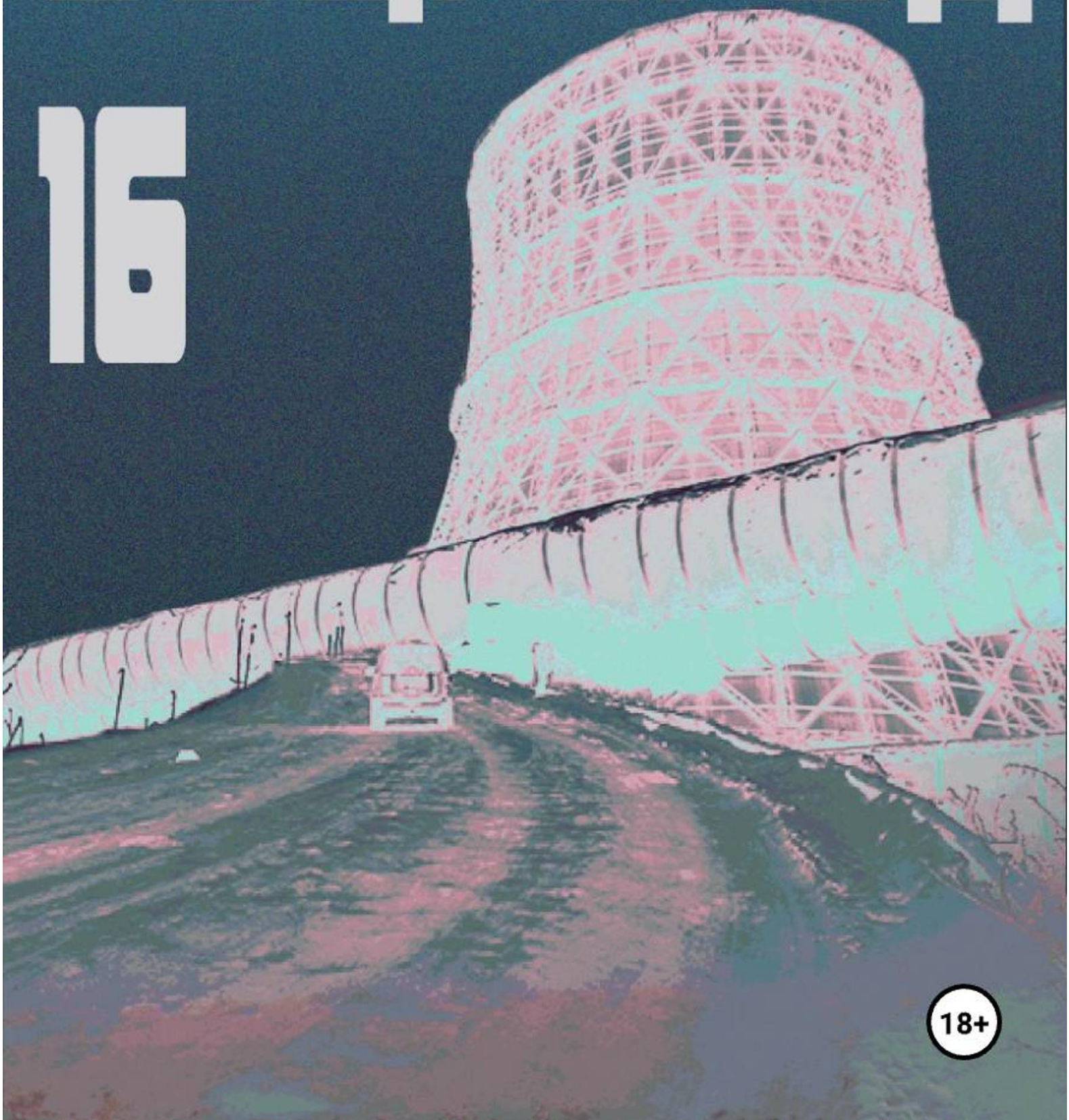
Алёна Боровицкая

СОЦГОРОД 16



18+

Алена Боровицкая

Соцгород-16

«Автор»
2026

Боровицкая А.

Соцгород-16 / А. Боровицкая — «Автор», 2026

Середина шестидесятых. Закрытый город при секретном заводе. Чутьбольше пяти тысяч жителей. Нет проблемы дефицита, прекрасное медицинскоеобслуживание, школы, детские садики и ясли, спорткомплекс, дворец культуры,пансионат, пионерский лагерь – все, то нужно для идеальной жизни и работы. Ивдруг в городке и находящейся рядом ракетной части происходят странныесобытия: иногда комичные, иногда пугающие и трагические. В городе, в которомс момента его основания самым тяжким преступлением была драка у ресторана,совершаются тяжкие преступления. Их расследуют милиция и военнаяпрокуратура. Но в чем причина того, что жители города и ракетчики буквальносходят с ума: глупые злые шутки или диверсия, наука или мистика? В связи с этимв город и часть приезжает комиссия главной военной инспекции.

© Боровицкая А., 2026
© Автор, 2026

Алена Боровицкая
Соцгород-16

СОЦГОРОД-16

Все персонажи, кроме исторических личностей, – плод фантазии автора. Большая часть поступков, мыслей, высказываний, действий исторических личностей – вымысел, который не имеет ничего общего с реальностью. Все совпадения – не более как случайность.

Многие кризисы в нашей жизни имеют долгую бессознательную историю. Мы проходим ее шаг за шагом, не сознавая опасности, которая накапливается. Но то, что мы сознательно стараемся не замечать, часто улавливается нашим бессознательным, которое передает информацию в виде снов.

Карл Густав Юнг

10 марта 1964 года, Тарасовка, Московская область

Осинский приехал в Тарасовку рано утром. Еще вчера вечером, почти ночью, Константин Константинович сам позвонил ему во Фрязино и попросил, не приказал, а именно попросил приехать. Сказал, мол, очень деликатное дело. Осинский хотел поехать сразу, но Константин Константинович остановил его:

-

Сейчас ехать нет смысла. Утром рано, часам к шести, приезжай.

На мотоцикле до Тарасовки по скользкой мартовской дороге ехать минут сорок. Лишь бы погода позволила.

Без десяти шесть Осинский приехал на дачу Рокоссовского. Гудеть не стал, помигал фарами, и сторож Андреич открыл ворота.

-

О, Ванька! Привет. Закатывай свой драндулет. Ты подполковник, за тридцатник тебе уже, а гоняешь, как пацан, на мотоциклетке этой. Не солидно.

-

Так и быть, разбогатею – куплю «Волгу». Чисто, чтобы тебя не раздражать.

-

Иди. Там товарищ маршал тебя ждет уже. Опаздываешь, поди.

-

Андреич, обижаешь. Jestem na czas.

-

Опять на своем тарабарском разговариваешь.

-

Андреич, ты коньяк любишь? Ром? Виски?

-

Нет. Я патриот.

-

Значит, водка. С меня пол-литра «Столичной».

-

Чего это?

-

За моральный ущерб от общения со мной.

-

Дурак ты, Ванька! Какой же от тебя ущерб? Ты парень хороший, хоть и поляк. Ну а с другой стороны, товарищ маршал тоже ваших польских кровей. И тоже хороший мужик. Чего-то я заговорился. Беги давай. А то и впрямь опоздаешь.

Осинский подбежал к дому, поднялся на крыльцо, снял в прихожей бушлат и шапку, тихо прошел прямо в кабинет к маршалу.

-

Доброе утро, Константин Константинович! Разрешите?

-

Входи, Янек. Двери закрывай. Дело у меня для тебя очень серьезное и очень деликатное. Командировка у тебя будет официальная по линии главной инспекции. Но помимо официального задания будет еще одна очень важная просьба.

9 марта 1964 года, в/ч 90.....11

Надо же, вот уже и женский день прошел, а такая метель метет, будто и не весна вовсе. Здесь, на Урале, в степях, климат, вроде, помягче сибирского, но зима тоже подолгу не желает уходить. Вот и нынче еще с вечера налетел порывистый ветер такой силы, что с ног сбивает, ясное небо затянуло тучами, а из них то ли снег, то ли дождь зарядил. Тревожная ночь, недобрая. И опять этот жуткий сон. Громко тикают в полной тишине большие настенные часы, показывая ровно два часа тридцать четыре минуты. Мертвая Ольга с резаной раной в животе лежит посреди зала в бурой луже крови, а он сам сидит тут же на стуле, нож на полу, ладони, и запястья, и командирские часы на левом запястье - все в той же бурой липкой крови. Алексей Иванович почувствовал как задыхается и проснулся. Было тихо. Только ветер за окнами завывал и громко, но гораздо тише, чем во сне, тикали часы. Ольга спала рядом, и в тишине он слышал ее ровное дыхание. Массивные командирские часы на темно-коричневом ремешке лежали рядом с кроватью на тумбочке и тоже тикали в унисон с настенными. И во всем доме было так спокойно, что жуткая оторопь от сна почти исчезла, только засела махоньким зернышком где-то в глубине подсознания.

Алексей Иванович встал, пошел на кухню. Долго лил воду из крана: ждал, когда из тепловатой и ржаво-коричневой она станет прозрачной и холодной. Вода здесь плохая. Всё ему здесь нравилось: природа, климат (не Сочи, конечно, но по сравнению с берегом Баренцева моря, где пять лет служил до перевода сюда, – просто курорт), сослуживцы, этот крохотный городишко с номерным названием, расположенный в получасе езды от части и военного городка. Вода не нравилась. Всегда сначала текла вот такой противной температуры и ржавая, густая и тягучая, как кисель.

Пять лет назад Алексей Иванович получил звание генерал-лейтенанта и назначение на должность командира ракетной дивизии. И с берега Баренцева моря привез семью: жену Ольгу и двоих детей, Ромку и Соню – сюда, на Урал. Ко всему привыкли быстро, кроме воды.

Служба шла хорошо. Дивизия была на хорошем счету и у начальства, и у офицеров и солдат. И сам Алексей Иванович, и его старшие офицеры о своих подчиненных заботились. Наладили отличные контакты с заводским и городским начальством. Проводили совместные мероприятия, танцевальные вечера, праздники, спортивные соревнования. Вместе построили пионерлагерь для городских ребятишек и детей офицеров и прапорщиков части. И пансионат тоже вместе построили. Назвали «Уральская заимка». Здесь степи кругом, по посреди них попадаются колки – лесные островки. Вот на одном таком островке пансионат и разместили, прямо у берега речки. Территория пансионата большая, на три части поделенная. Одна часть – детский санаторий-профилакторий: детские площадки, столовая, летний открытый бассейн, три одноэтажных кирпичных жилых корпуса и такой же лечебный. Вторая часть, прямо справа от первой – собственно пансионат для сотрудников завода и офицеров и прапорщиков дивизии, полка заводской охраны и пожарных. Тут беседки, один большой пятиэтажный корпус,

в котором и столовая, и номера для отдыхающих. За корпусом – клуб с танцплощадкой и кружками по интересам: шахматы-шашки, бильярд, библиотека и т.д. В чисто символическом заборе между санаторием и пансионатом были широкие, почти всегда открытые ворота. А вот третья часть была в стороне, и попасть в нее было довольно сложно, зачастую просто невозможно.

Иногда сами (командование части и заводское начальство) на охоту и рыбалку ездили. Или просто отдохнуть. Для начальства на территории пансионата, на той самой его третьей части, отдельный коттедж построили в старом купеческом стиле: кирпичный нижний этаж, а два верхних из листвяка. Здесь и в Сибири так очень давно строят: крепко, надежно, тепло. Нижний этаж – ресторанчик с бильярдом, танцполом. На нижнем же этаже – баня. Охрана корпуса тоже на нижнем этаже. В цоколе – прачечная, дворницкая, бойлерная и тому подобные служебные помещения. А на втором и третьем – люксовые номера на одного или двух гостей (на случай, если начальник с супругой). И в каждом номере удобства, и всегда тепло, и в холле каждого этажа – телевизор. А в номерах, в которых обычно отдыхали директор завода и командир дивизии, телевизоры стояли. И мини-бар. Все, как в Интуристе. Туда же обычно селили главных в группах проверяющих из Москвы.

В общем, служба шла ровно, исправно. Жизнь текла размеренно, будто и не жизнь военного. Алексею Ивановичу здесь очень нравилось. И Ольге тоже нравилось. И детям. Дети учились в школе в городе. Каждый день их и других ребятишек из военного городка отвозил в город и привозил обратно автобус. Сын в прошлом году окончил школу и вот уже почти полгода служил в Белоруссии срочную. Дочка училась в десятом классе. Генерал жил в одном доме со старшими офицерами дивизии. На одном этаже с замполитом. И вот месяц назад с замполита вся эта история и началась.

2 февраля 1964 года, в/ч 90.....11

Погода в этот день была вполне февральская: с утра легкий морозец градусов пятнадцать, а днем, на солнышке потеплело до минус восьми. Ветер, конечно... но к нему тут все привыкли. Днем Павел Аркадьевич, полковник Соколов, замолит ракетной дивизии был вполне в норме. На легкую головную боль посетовал. Но, впрочем, сам же это объяснил тем, что вчера в городе, общаясь с давним приятелем, несколько перебрал с коньяком. В семнадцать ноль-ноль полковник Соколов вышел из здания штаба дивизии, сел в служебный УАЗ и поехал домой, в тот самый «генеральский» дом. Дорога от штаба до дома должна была занять десять минут. Но ни через десять, ни через тридцать, ни через девяносто минут полковник Соколов домой не приехал. Когда комдив вернулся со службы, вон застал в своей квартире двух встревоженных женщин: свою Ольгу и жену Соколова.

Позвонил дежурному, узнал, что машина полковника Соколова проследовала через южный КПП около полутора часов назад. Отправил взвод солдат на «буханке» на поиски. Через час нашли УАЗ замполита в кювете у искусственной лесополосы. В лесополосе и решили начать поиски. Стемнело, а солдаты с фонариками все бродили среди голых осинок и березок. Уже собирались прекратить поиски до утра, как вдруг один из солдатиков заметил лежащего на снегу совершенного раздетого человека. Это был Соколов. Он был явно не в себе, бормотал что-то о бессмысленности жизни и шуме вокруг. Его одежда: нижнее белье, носки, полевой мундир, брюки, бушлат, шарф, шапка, перчатки – всё аккуратной стопочкой лежало на снегу чуть в стороне. Рядом стояли сапоги. Когда его спросили, зачем он снял одежду, Соколов ответил: «Она создавала так много шума». Полковника попытались одеть, он безропотно согласился. Его одели, усадили в «буханку» и отвезли в санчасть. Там согрели и вкололи седативное, и полковник проспал почти сутки. Еще через сутки вернулся на службу и совершенно не помнил о своем вечернем приключении. Врачи посчитали этот инцидент проявлением делирия – белой горячки. Тогда дело решили огласке не придавать. И в Москву не доложили.

10 марта 1964 года, Тарасовка, Московская область

-

Вот так у них сначала сошел с ума замполит, – Константин Константинович, хоть и не был любителем курения, закурил и продолжил рассказывать. - Они через две недели уже почти забыли об этом, как вдруг, 18 февраля – обрати внимание на эту дату – замполит среди ночи заявился домой к комдиву и сказал, что он, замполит, видел сон, в котором он берет автомат и расстреливает прапорщика Рубинича.

-

А что комдив?

-

Посоветовал замполиту обратиться утром к врачу. Замполит к врачу обратился. Тот ему снотворное прописал. И рекомендовал спать с открытым окном и прогуливаться перед сном.

-

Помогло?

-

Соколов утверждает, что у него теперь нет проблем со сном. Вот только через два дня после его обращения к врачу, 21 февраля, он, прогуливаясь с собакой и женой перед сном, нашел недалеко от своего дома того самого прапорщика Рубинича. Мертвого, застреленного.

-

Из автомата? – уже с азартом спросил Осинский

-

Нет. Как установили эксперты, из ТТ. Один выстрел в голову. Точно между глаз.

-

Снайпер работал. Или кто-то невероятно везучий. Я искать стрелка поеду?

-

И да, и нет. Там военные следователи уже работают. Стрелка ищут. Но твоя помощь как снайпера не помещает. Но там, собственно в городе Соцгород-16, дела, как оказалось, поинтересней творятся. Такая психоделия, что фантаст Беляев отдыхает! И там, в городе, уже работает твой приятель капитан Матвеев. Твоя группа будет помогать ему в воинской части.

-

А что там все же творится, раз Алхимика туда потянуло?

-

На, почитай, – маршал протянул Осинскому черную дерматиновую папку.

1 февраля 1964 года, Соцгород-16

В самый первый февральский день закрытый и строго засекреченный городок под названием Соцгород-16 с количеством жителей ровно пять тысяч двести двенадцать потрясло очень странное и на первый взгляд комичное событие. Главный инженер завода, очень уважаемый человек по имени Владимир Федорович, снял с себя всю одежду, сложил ее аккуратной стопкой на лавку и, забравшись в самый центр городского фонтана, абсолютно голым декламировал «Стихи о Советском паспорте» Маяковского. Сбежалась толпа, прибежала жена главного инженера, приехали директор завода, милиция и Скорая помощь. Инженер был в приподнятом настроении и, казалось, не замечал десятиградусного морозца и толпы горожан-заводчан, собравшейся вокруг него. И совершенно не стеснялся своей наготы, не обращая внимание на смеющихся, смущающихся и возмущающихся. С медиками пошел охотно, по пути рассказывая им и лично директору завода, как прекрасен и удивителен становится этот мир, если избавиться от лишнего шума. Когда его спросили, зачем он снял одежду, Владимир Федорович ответил: «Она создавала так много шума». Его одели, усадили в Скорую и отвезли в санчасть.

Там вкололи седативное и главный инженер проспал почти сутки. Еще через сутки вернулся на работу и совершенно не помнил о своем выступлении. Врачи посчитали этот инцидент проявлением делирия – белой горячки. Директор завода посоветовался с замом и счел инцидент недостойным внимания Москвы. Тогда он и с комдивом этой историей не поделился. А позже пришлось.

Через три дня после возвращения главного инженера на работу в городе случилось новое происшествие. Но, если бы не история с главным инженером, на него бы вообще не обратили внимания. Подумаешь, бухарик белочку словил.

Сантехник Тарас, человек в городке необходимый, но, как и положено стереотипному сантехнику, время от времени пьющий, пришел часов в девять вечера в отделение милиции, совершенно раздетым и разутым. По всему его поведению было видно, что он в стельку пьян, но запаха алкоголя при этом не было. Сантехник зашел в отделение милиции, положил на стойку перед окошечком дежурного дробовик и торжественно произнес:

-

Пристрелил суку. А то жужжала, жужжала, трындела постоянно что-то. Скажите спасибо, избавил вас от этого шума.

-

Ты о чем, Тарас? – настороженно спросил дежурный

-

Ты чего такой тупой-то?! Будто много у нас в городе шумных баб-то?! Хотя да, много. Все, считай. Уточню. Соседку свою пристрелил, училку музыки. Очень шумная тварь была.

Дежурный подозвал наряд, Тараса задержали, на его адрес выехала группа. Учительница музыки была дома жива и здорова, занималась с дочкой одного из инженеров с завода. Но Тараса решили пока не отпускать. Когда его спросили, зачем он снял одежду, сантехник ответил: «Она создавала так много шума». Его одели, заперли в КПЗ. Один из милиционеров спросил:

-

Тарас, а ты чего решил, что убил учительницу?

-

Сон мне такой хороший приснился. Захожу в ее комнату, достаю дробовик и стреляю в нее. И такая тишина настает, только часы слышно. Благодать. Ну я проснулся, дробовик взял и пошел к ней. Только ее там не было. Ну я же помню, что стрелял. Кого я тогда убил?

После этих слов Тарас лег на лавку в камере и мертвецки заснул.

Утром его разбудили и увели в настоящую камеру. Во дворе за его домом нашли труп женщины, застреленной в лицо из дробовика. Опознать сразу ее было невозможно. А вскоре выяснили, что это жена того самого главного инженера завода. Его тоже задержали. Но и тут решили, что справятся своими силами. В Москву доложили только то, что главный инженер попал под следствие в связи со смертью его жены.

Город гудел. Все обсуждали странные события прошедшей недели. Следствию было понятно, что убийца – Тарас. Но какой мотив? Зачем сантехнику убивать жену главного инженера? Это же люди с разных полюсов! Да и как жена главного инженера оказалась на этой улице? Делать там ей явно было нечего.

Пока следователи разбирались со смертью жены главного инженера, в городе продолжало происходить что-то немыслимое. 11 февраля застрелился директор школы (его нашли голым, с наградным пистолетом в руках, на окраине города, на дороге, ведущей в воинскую часть). 14 февраля, также раздевшись догола, тренер местной футбольной команды (он же инженер на заводе) залез на местную теле-радиовышку, с которой его снимали пожарные (мороз был приличный, а просидел тренер на вышке довольно долго, не меньше часа, отморозил себе ступни обеих ног и кисти рук). 18 февраля сосед тренера по палате, лежавший в больнице со сломан-

ной ногой, подошел к окну больничной палаты, сел на подоконник, открыл окно и намеренно выпал из него вниз головой (не умер, но сломал шею и остался парализованным), с тех пор все твердит о том, что ему мешает шум. В тот же день, 18 февраля, трое парней-старшеклассников поехали на речку на рыбалку. Просверлили лунку, начали рыбачить. Дела шли неплохо. Но один из них вдруг стал раздеваться, постоянно повторяя: «Как же здесь шумно». Товарищи пытались его остановить, он ударил их коловоротом, одному пробил голову, другому сломал руку. Он разделся, сложил одежду аккуратной стопкой. После пошел по льду вдоль берега. Несмотря на повреждения, парни догнали его, повалили и связали. Силой натянули на него валенки и штаны. Он брыкался, поэтому ноги тоже пришлось связать. Куртку они надели, не развязывая его, и обмотали сбрендившего товарища веревкой поверх куртки. Так и потащили в город. Благо идти до города было всего пару километров. Всем троим оказали помощь. Героев поблагодарили, антигероя отправили в психушку в областной центр. Потом в городе стало тихо. Совсем тихо. Ни одного случая дебоша, хулиганства, и тем более ни одного странного подобного случая. Про инцидент в воинской части в городе не знали. А вот военный городок знал о странностях, творящихся в городе. Поэтому, когда нашли труп прапорщика Рубинича, все сразу решили, что это все связано. Но командиры постарались успокоить всех. И у них, вроде бы, даже получилось.

1 марта 1964 года, в/ч 90.....11, Соцгород-16

В обеденный перерыв одна из бухгалтеров завода, Оксана Селезнева, тридцатилетняя счастливо замужняя мать троих детей, пошла в магазин купить к праздничному утреннику в детском саду бантики для своих младших дочек-двойняшек. Ровно в двенадцать часов десять минут она прошла через проходную. До магазина, располагавшегося в трехстах метрах от проходной завода, Оксана не дошла. Город закрытый, поэтому там забор по периметру и четыре КПП. Ни на одном КПП ее не видели. Искали ее три дня. Безуспешно. На четвертый день, пятого марта, в семь пятнадцать утра, она вся в крови, одетая только в сапоги и разорванную комбинацию, пришла домой, открыла дверь своим ключом, никого не разбудив, прошла на кухню, взяла нож и нанесла своему спящему мужу восемь ножевых ранений. А потом позвонила в милицию и скорую. Дети проснулись, только когда мать и отца увезли. Кстати, убийца из бухгалтерши никакой – муж выжил и даже обошлось без особо серьезных повреждений. Ее тоже осмотрели, сделали заключение: многократно изнасилована в грубой форме. Она не помнит ничего: ни как пропала, ни что с ней было все эти три дня, ни как била мужа ножом. Помнит, как вышла из проходной, как резко обострились все звуки и заболела голова. Думает, что потеряла сознание. Очнулась – увидела себя с ножом и мужа в крови. Сразу вызвала скорую и милицию.

Но самое поразительное, что в военном городке в это время тоже пропал человек. Сержат Вавилов, Степан Игнатьевич, двадцать пять лет, срочник после техникума. Хороший парень, комсомолец, спортсмен-самбист, кандидат в мастера спорта. На дезертира совершенно не похож. Да и зачем дезертировать, когда до приказа остался месяц. Искали его очень интенсивно. И тоже безрезультатно. И он тоже пришел в часть сам. Пришел босой и в одних трусах. Ну, хоть не голый. И тоже пятого марта в семь пятнадцать утра. Подошел к южному КПП, вырубил дежурного, завладел оружием и обстрелял караулку. Ранил начальника караула и двоих бойцов. Никого не убил. Перестал стрелять, только когда магазин опустел. Почему его не застрелили? В него попали четыре раза, но он продолжал стоять и стрелять. Упал, когда стрелять перестал. Еще долго был в сознании. Сказал, что подошел сюда к КПП по поручению командира роты, у самого КПП резко усилились звуки, стало очень шумно и заболела голова. Наверное, он потерял сознание, раз теперь лежит на земле. Только, когда у него заболела голова, он еще не дошел до караулки. Командир роты действительно отправлял его с поручением на КПП первого марта. Сержанта, конечно, увезли в санчасть. Сейчас он без сознания,

в коме, или, как ты говоришь, в сумраке. Все четыре пули в груди, одна из них рядом с сердцем. Прогнозы так себе. После некоторых анализов выяснили, что Селезнева, и Вавилов были в каком-то одном месте, и именно Вавилов ее насиловал. Он, как и Селезнева, ничего этого не помнит.

10 марта 1964 года, Тарасовка, Московская область

-

Думаете, диверсия?

-

Ты же тоже, похоже так думаешь?

-

Да, я думаю, диверсия. Я такое, ну, когда человек уже, как решето, а он все равно прет, видел уже. Пять лет назад, когда мы с Алхимиком и братом в Монако ездили. Но там мужик под жесткой дурью был. Брат, кстати, тоже под ней был. И час вел машину по серпантину с простреляннными рукой и грудью. От потери крови отрубился. А рану будто вообще не замечал.

-

Матвеев тоже Монако вспомнил и решил, что и тут какое-то психотропное применяют. Он уже в городе, как я сказал. На тебе – часть и военный городок. Часть ракетная. Не дай Бог, кто-нибудь, отвечающий за пуски, сбрендит. Завод тоже непростой. Выпускает радиохимические изделия. Если рванет завод – сотрет с лица земли пол-Урала.

-

Да понимаю, что серьезное дело. Каких результатов от меня ждете?

-

Жду выяснения обстоятельств и устранения угрозы.

-

То есть, убивать можно?

-

Если это прекратит весь этот кошмар – можно. Если это – псих-одиночка. Если представляет какую-то организацию, команду, компанию – любую общность – нужно захватить и Марченко передать. Он его упрячет в известное тебе место и всю информацию получит.

-

Когда приступать?

-

Немедленно. Мотоцикл свой у меня оставь. Алексей тебя отвезет на аэродром. Там познакомишься с группой. Полковник Гейдельман, психолог, психиатр, вы с ним, как я понимаю, давно знакомы. И эксперт-криминалист, лаборант (Матвеев сказал, одного лаборанта достаточно) младший лейтенант Зимина, два сержанта – силовое обеспечение. Старший группы – ты.

-

Полковником командовать?

-

Придется. Ты – представитель генерального штаба. У тебя должность выше. Удачи, Янек. Комдив – мой боевой товарищ. Я хочу его в Москву, к нам в инспекцию, перевести. Но история эта очень может в этом помешать. По возможности, прошу, будь деликатен и аккуратен. И очень внимателен, особенно к генералу и его семье.

-

Слушаюсь!

10-11 марта 1964 года, борт самолета ВВС

Когда все поздоровались и разместились в самолете, Осинский открыл папку с материалами дела. Описание происшествий и все, что накопала следственная группа, он решил пока не читать. Ему был интересен город. Впрочем, ничего примечательного в Соцгороде под номером 16 не было. Соцгород – он везде соцгород.

Изначально строят их почти одинаково. На въезде в город КПП, сразу за ним – парк культуры «излюбленное место отдыха горожан». Дальше начинается главная улица. Красивый, даже вычурный, центр: администрация с памятником Ленину, напротив Дворец культуры (в нем кружки, хор, оркестр, театр, танцевальный коллектив, библиотека, кинотеатр), а перед ним – площадь с непременным фонтаном; спорткомплекс с бассейном и открытый стадион. Тут же на центральной улице школа №1, за ней (чуть в глубине) – детсад с яслями, дальше по улице – двухэтажный магазин (на первом этаже – продукты, на втором – промтовары, все на уровне московского обеспечения). Город начали строить в середине пятидесятых, поэтому в центре дома солидные красивые, сталинские: с высокими потолками в больших просторных квартирах с толстыми стенами и тяжелыми шторами на окнах – тут проживает городское и заводское начальство, инженеры, старшие сотрудники НИИ. Здания администрации, ДК и школы в стиле псевдоклассицизма: с высоким крыльцом, с колоннами, которые поддерживают портик, украшенный тематическими и идеологически правильными барельефами.

Заканчивается главная улица Соцгорода высокой кованой оградой с красивыми воротами, за которыми располагаются заводской техникум, пожарная охрана и здание управления завода и НИИ. Эти здания – тоже псевдоклассицизм. Все это всего лишь заводской фасад. Самое главное – дальше, в глубине. Там еще один забор, надежный, бетонный, с колючей проволокой по верху. За ним – промплощадка с заводскими корпусами, гаражами, испытательными полигонами – сердце города. За промплощадкой – огромные градирни ТЭЦ, которая дает городу и заводу возможность автономно и в достатке обеспечиваться теплом и электричеством. Где-то неподалеку – речка с водозабором и очистными сооружениями.

От центральной улицы расходятся боковые улочки и переулки. Там дома попроще: хрущевки и деревянные черные двухэтажки, которые притащили из других городов и быстро собрали на новых фундаментах стремительно построенного посреди степи города. Там, в глубине рабочих кварталов, еще несколько продуктовых магазинчиков, еще одна школа с хоккейной коробкой и стадионом и детский клуб с кружками и секциями, еще один детский комбинат. Этот городок маленький, потому школы всего две и детских комбинатов тоже два. Милиция, почтовое отделение с переговорным пунктом, разнопрофильная больница с роддомом и с поликлиниками для детей и взрослых – все это между центром и рабочими кварталами. Строят стандартно, предполагается, что и живут стандартно. Как все. Соцгород – образцовый город построенного социализма. Рай на Земле. Место спокойное, тихое... Осинский ездил по таким городкам уже семь лет. И лучше любого знал, как права русская пословица «В тихом омуте черти водятся». Что за черти мутят воду в этом соцраю?

Лада

Несмотря на свой юный возраст, двадцать два года, Лада Зимина была серьезной девушкой. Уже четыре года она была замужем за таким же молодым шофером грузовика Колей Зиминым. Уже два года служила военфельдшером и уже два месяца носила погоны младшего лейтенанта медицинской службы. А неделю назад ее направили на службу в главную военную инспекцию при генштабе. Ее преподаватель из мединститута рекомендовала Ладу как отличного лаборанта в экспертный отдел. И сразу командировка. Куда-то на Урал в закрытый секретный городок и воинскую часть. И вот она летит в жутко гудящем транспортнике с двумя молодыми богатырского телосложения сержантами и двумя старшими офицерами. Один из них – лысеющий дядька лет пятидесяти с погонами полковника и красными общевойсковыми петлицами (у Лады на форме такие же красные петлички), а второй – довольно молодой невы-

сокий парень на вид не старше лет тридцати, но уже подполковник, а петлицы у него не общевойсковые, а черные с золотистыми танками. И вот что странно. По всему: по возрасту, по званию – командовать в их группе должен дядька-полковник, но главный явно парень-подполковник. Потом она, конечно, разобралась. Дядька тоже эксперт, только психиатр. А танкист – он как раз и есть офицер генерального штаба, представитель главной военной инспекции. Но это потом. А сейчас она летит в самолете и, честно говоря, боится и очень волнуется: никогда она еще не работала, как говорят «в поле». Парень подсел к ней. Заговорил. Тембр голоса у него такой приятный, мягкий, обволакивающий слух. И легкий акцент:

-

Не волнуйся. Если что-то непонятно, спрашивай. Нас там встретит мой друг и гениальный ученый – капитан Матвеев. Он тебе все объяснит. Он даже мне может все объяснить, а ты же не контуженный танкист, а умненькая девочка-доктор. Тебя как зовут, младший лейтенант?

-

Лада Зимина. А вас?

-

Ян Осинский.

-

А по отчеству?

-

Ну, для официального общения, Станиславович. Как тебя по отчеству, Лада Зимина?

-

Евгеньевна.

-

Красивое имя, Лада? Ни разу не слышал.

-

Это мама меня так назвала в честь Ладоги, Ладожского озера.

-

Почему?

Было странно говорить, стараясь перекричать гул транспортника, но она все же рассказала. Почему-то ей именно сейчас и именно этому парню захотелось рассказать историю своего рождения и своего имени.

-

Я зимой сорок второго года родилась. Маму и еще несколько человек: стариков, детей, женщин – эвакуировали по Ладожскому озеру, по Дороге жизни из Ленинграда. А немцы постоянно бомбили переправу. А мама в кабине с водителем сидела. Они едут, только полдороги проехали, у нее схватки начались. И тут еще и юнкерсы прилетели. В общем, она орет, бомбы падают, водитель от бомб уворачивается и только просит ее: «Потерпи, не рожай пока. Скоро доедем и там уже у врачей родишь!»

-

Дотерпела?

-

Да, дотерпела. Только в безопасное место попали, сразу к медицинской палатке подъехали. Все целы, все живы. И тут мама уже терпеть перестала и буквально минут через десять я и родилась. И мама решила меня Ладогой назвать. А тетка в загсе уже в Москве сказала, что такого имени нет. Но вот тогда мама и назвала меня Ладой. Отцу на фронт написала. Ему мое имя понравилось.

-

Живы родители?

-

Да. Мы с мамой в Самарканд в эвакуацию попали. А папа три раза ранен был, но до Берлина дошел и в июне сорок пятого вернулся. А мы еще в сорок четвертом в Ленинград вернулись.

-

Хорошо. Давай-ка, Лада Евгеньевна, поспи. Лететь еще два часа.

-

А как спать в таком шуме?

-

А ты представь, что это море. Ты с Балтики. Я тоже с Балтики. Вот и давай представим, что это наша Балтика шумит.

-

А вы откуда, товарищ подполковник?

-

Из Гданьска. Я в Польше родился. И мы же договорились: Ян Осинский.

Она проспала до самой посадки. И снился ей чудесный летний день на берегу Финского залива. Сосны, солнце, песок и нагретые на солнце камни, и желтые блики на крупной ряби воды, и что-то еще, хорошее и теплое. А потом она услышала уже знакомый голос с легким акцентом:

-

Просыпайся, младший лейтенант. Прилетели.

11 марта 1964 года, пансионат «Уральская заимка»

Приземлились на аэродроме авиаполка в двадцати километрах от Соцгорода. Их встретили прямо на полосе старшие офицеры, тоже полковник и подполковник, на двух УАЗах. Осинский с одним из сержантов сел в первый, второй сержант, Лада и полковник-психиатр – во второй.

Осинский расположился на заднем сидении автомобиля, обратился к сидевшему на переднем пассажирском месте полковнику.

-

Давайте знакомиться, товарищ полковник? Я старший группы, подполковник Осинский, можно Ян Станиславович. С кем имею честь?

-

Полковник Казанцев Олег Николаевич. Начальник штаба дивизии. Комдив ждет вас в штабе.

-

Расскажете, что сами думаете по поводу происходящего? Не для протокола.

-

Ну, если не для протокола... Останови, – обратился начштаба к водителю. Тот послушно прижался к обочине, остановил машину. Офицеры вышли, Осинский достал свои американские сигареты и зажигалку.

-

Угощайтесь, товарищ полковник.

-

Спасибо. А что в генштабе всем такие раздают?

-

Нет. Я из командировки привез.

-

Видимо, далекая была командировка.

-

Неблизкая. Так что сами думаете? Не для протокола. Принимаю любую версию, даже самую бредовую.

-

Бабка моя бы сказала, что и город, и городок, и часть сурочили. Сглазили то есть. Порчу навели. Или травит кто. А если травит, то как? Ведь и в городе жуть творится, и у нас. В городе-то почище нашей.

-

Может, город менее защищен?

-

Да что вы?! Город – неприступная крепость. Без пропуска ни войти, ни выйти.

-

Парни же на речку выходили.

-

Но они же местные.

-

То есть местные выходить могут в любой момент?

-

Почти. Пансионат, пионерлагерь, дачи, речка, лесок – это же все за периметром города и нашего военного городка. В эти места пропуск не нужен. А в областной центр, или дальше еще – нужно специальное разрешение. Автобус у нас до Орска ходит. Но можно на ближайшей станции на электричку пересесть. Многие так делают.

-

А как вы узнаете, что человек именно в округе будет находиться, а не поедет куда-нибудь дальше? Что? Есть еще какой-то внешний периметр?

-

Ну, мы не афишируем, и КПП там как таковых нет.

-

Но посты есть, и ограждения есть. И, понятно, чужой ваш внешний периметр не преодолеет. Ну, ясно. В принципе, обычная практика. И довольно четко работающая. Именно этот внешний периметр делает вас практически невидимыми. Чужак, пошедший по грибы, просто не попадет в ваш периметр, отведете, дорогу правильную подскажете. На гражданских картах, наверное, болото и непроходимый лес?

-

Болото. Овраги.

-

А это значит, к вам даже чужая мышь не проскочит. И тогда возникает мысль: кто-то из своих гадит. Плохая мысль. Но, думаю, ее вы в первую очередь рассматривали.

-

Правильно, товарищ подполковник. И, если честно, я не склонен от нее отказываться.

-

Есть кто-то на подозрении? Хотя нет, не говорите. Я хочу незамыленным взглядом посмотреть. А потом сверить мои мысли с вашими и следователя. Мы сейчас куда? В город или в часть?

-

Мы в пансионат. Это, так сказать, общая территория города и части. Разместим там вас по высшему разряду. Следователи тоже там живут, но именно в пансионате, а вы в охотничьем доме будете жить. Люкс по местным масштабам.

Они вернулись в машину и продолжили путь. Вскоре догнали второй УАЗ, обогнавший их во время перекура.

-

А вы сами откуда, товарищ начштаба? – поинтересовался Осинский. Ему послышался оттенок пренебрежения в том, как полковник описывал местный элитный охотничий дом.

-

Из Москвы. А вы?

-

Из Гданьска.

-

Поляк?

-

Да. Но это, как говорит мой шеф, не мешает мне быть русским офицером.

-

Вот откуда у вас такой странный выговор. Хорошо по-русски говорите.

-

Но я же не вчера сюда приехал. Сначала с тридцать девятого до сорок четвертого в Союзе жил, потом воевал в Войске польском, потом три года после войны служил на родине, в сорок девятом-пятидесятом служил в охране генконсульства ПНР, жил в Москве. Потом, с конца пятидесятого, меня к себе на службу министр обороны Польши взял. С пятьдесят седьмого перевелся за шефом в Советскую Армию. С тех пор я советский офицер и гражданин Советского союза.

-

С Рокоссовским, получается, служите?

-

Да. И считаю это величайшей честью для себя.

Несмотря на нескрываемое высокомерие, полковник Казанцев понравился Осинскому. И даже то, что он это высокомерие не скрывает, понравилось. Так лучше, чем презирать тайком, а в глаза улыбаться. Его можно в случае чего брать в союзники. Но, все равно, нужно присмотреться. Начштаба, как показалось Яну, был честным и перед собой, и перед окружающими. Наверное, для начальства не очень удобный, но очень надежный человек. Он был старше Осинского лет на восемь-десять. Явно воевал. Пока Осинский размышлял над личностью начштаба, тот после долгой паузы спросил:

-

А сколько вам лет, подполковник? Говорите, воевали, а выглядите совсем мальчишкой.

-

Тридцать пять. Я с пятнадцати лет в армии.

-

Сыном полка или исправил год в метрике?

-

Подтер чуть-чуть и превратил 1928 в 1926.

-

Поверили?

-

Нет. Но я был очень убедителен. Комбриг еще под Рязанью, в лагере формирования, сказал, что домой меня отправит. Я сказал, что этого и добиваюсь. Просто без них мне до дома не дойти. Дом-то в Гданьске. Ну а к Гданьску я был уже сержантом, командиром экипажа и очень ценной боевой единицей. И комбриг уже передумал отправлять меня домой. Так я и докатил на своем танке до Берлина и Лабы.

-

Ранения есть? Награды?

-

Всего хватает. И горел в танке три раза. Два по мелочи: и сами, можно сказать, не пострадали, и машину сохранили. Раз, после переправы через Одру, машину потерял, но это вообще отдельная история. А при первом штурме Варшавы, я еще стрелком-радистом был, так шарахнуло, что почти полгода в госпитале провалялся, два месяца из них без сознания. Из советских у меня с войны только одна награда. Польские есть: две медали и два ордена. А вы где воевали?

-

От Ржева до Буга через Курск. В артиллерии. А после Буга там же, где и вы. На Магнушевском плацдарме. И во всех штурмах Варшавы участвовал. Потом тоже ранен был и Гданьск не брал. Вернулся на фронт в середине апреля и уже прямиком на Берлин.

-

Ну, может, виделись. Вы про тридцатьчетверку в тоннеле метро слышали?

-

Слышал. Это что же вы – «подводники»?

-

Выходит, да.

-

Правда, что командир экипажа за это героя получил?

-

Я не люблю про это говорить. Потому что всему экипажу надо было давать. А дали только мне.

-

Глупости не говори! То, что вы тогда сделали, в голове не укладывается. Надо же быть таким безбашенным, чтобы такое придумать и сделать! Начальству виднее, кого чем награждать. Но нашей батарее вы тогда здорово помогли. Мы по этой станции сутки долбили без остановки – и ничего! Расстегивай давай шинель. Звездочку-то покажи.

Осинский расстегнул шинель на груди, где на мундире сверкала маленькая золотистая звездочка.

-

Настоящее золото?

-

Вообще, сама звезда – да, но эта нет. Это как орденская планка – заменяет оригинал на повседневной одежде.

-

Ну, хорош! Сейчас понимаю, почему ты старший группы, а не полковник.

-

Полковник – эксперт. Я же представитель генштаба. Мое дело – организация, координация. Его – экспертиза.

-

Приехали.

УАЗ притормозил у шлагбаума КПП и, не останавливаясь, въехал на территорию пансионата. Проехав по широкой аллее еще метров триста, они остановились у трехэтажного дома. Первый этаж был выложен из красного кирпича, а второй и третий – сложены из добротных толстых бревен. На окнах – резные наличники – настоящее произведение искусства. Подъехала вторая машина. Вышли из автомобилей и вошли в дом.

Лада

Их всех разместили в номерах охотничьего домика. Сержанты поселились в двухместном номере, а офицеры – каждый в отдельном. Лада подумала, что ей просто повезло, что она девушка и ее не к кому подселять. Ну, а старших офицеров, наверное, неприлично селить вместе. Номер был, кажется, больше их комнаты в коммуналке. И прямо в номере были туалет, и раковина, и ванна с душем. Еще внизу Осинский сказал, что они поедут в воинскую часть к девяти ноль-ноль. Сейчас шесть двадцать семь. И значит, она может немного посидеть в ванне. Когда она последний раз спокойно мылась, да еще и вот так сидела в ванне? Месяца три назад, когда гостила у мамы в Ленинграде. Дома все бегом. И мытье бегом: в коммуналке надолго ванную не займешь. Она набрала воду, положила часы на раковину, чтобы не упустить время, залезла в теплую, ароматную от земляничного мыла, воду и растаяла. Какое удовольствие!

Она решила, что посидит так хоть полчасика. Она лежала в ванне и просто мечтала о разных чудесных вещах, скорее всего абсолютно несбыточных. Но на часы поглядывала. И ровно через тридцать минут вылезла из уже остывающей воды. Только завернулась в полотенце, как в дверь постучали:

-

Лада Евгеньевна, откройте. Это Осинский.

Ей бы одеться, но она отчего-то растерялась и открыла прямо так, в полотенце.

-

Извините, – смутился подполковник, – я не хотел вам мешать, но мне необходимо поговорить с вами до встречи с комдивом. Я должен вас проинструктировать.

Что на нее нашло?! Она вдруг поняла, нет почувствовала, что там, в ее мечтах был и этот момент. Она замерла, полотенце упало на пол, они оба инстинктивно наклонились, чтобы его поднять, и стукнулись лбами. Распрямились, на секунду замерли друг напротив друга: обнаженная Лада и в полевой форме, в ремнях и портупее, Осинский. А потом он притянул ее к себе и поцеловал. Она расстегнула его ремень, портупея слетела вместе с полевой гимнастеркой, брюки упали на пол, он переступил через них и через минуту Лада и подполковник, оба абсолютно голые, уже лежали на застеленной кровати... Она стонала и вскрикивала с каждым толчком, а он, кажется, входил глубже и глубже. И вот она уже почувствовала себя на пике удовольствия, лучше, кажется, уже и быть не может. А он толкнул еще, и еще, и еще, и вдруг сам тихо застонал и опустился на нее всем телом. Лег рядом, крепко прижал девушку к себе. И тихо прошептал: «Спасибо». Хотя это она хотела сказать ему это самое «спасибо». За такое невероятное удовольствие.

Несколько минут они лежали молча, обнявшись, крепко прижавшись друг к другу. Потом он встал, надел брюки, поднял с полу неуставную майку, которую носил под гимнастеркой. Надевая ее, начал говорить.

-

Ну что ж, это было здорово. И я очень хочу повторить. Но потом. Вечером. Ночью. Сейчас к делу. Всеми лабораторными исследованиями будет заниматься капитан Матвеев. Он биохимик. Доктор наук. До ужаса умный парень. Твоя задача – внешний осмотр жителей военного городка и служащих воинской части. И ты же будешь брать у них анализ крови. Понимаю, после такого романтического начала, все это звучит прозаично. Но наша работа – это самая что ни на есть сухая проза. А романтика потом, ночью. Когда мы отсюда выйдем, будешь обращаться ко мне только товарищ подполковник или Ян Станиславович. Ты для меня – товарищ младший лейтенант или Лада Евгеньевна, или Зимина. Так надо. Это через час. А сейчас можно и просто Янек.

Он сел рядом и поцеловал ее.

УАЗ, в котором она снова ехала с психиатром (теперь она знала, что его зовут Яков Иосифович), подпрыгивал на ухабах, но все же ловко преодолевал бездорожье. Через пятнадцать

минут они оказались у КПП военного городка. Им не пришлось останавливаться: ехавший в первом автомобиле вместе с Осинским начштаба предъявил документы, и их пропустили. Некоторое время они ехали мимо двориков двухэтажных двухподъездных домиков и вскоре оказали у еще одного шлагбаума – въезда на территорию части.

11 марта 1964 года, в/ч 90.....11

В кабинет комдива вошли все вместе: сначала начштаба, потом полковник Гейдельман, за ним подполковник Осинский, последней вошла младший лейтенант Зимина. Осинский по привычке сначала быстро осмотрел и оценил кабинет, а потом и его хозяина. Комдив показался ему задерганным, уставшим и сильно не выспавшимся человеком. Сколько ему? Лет пятьдесят? Больше? Волосы с проседью, темные круги вокруг глаз, морщины четко очерчены. Шрам под левым глазом, наверное с войны. У брата похожий: ему осколок камня в щеку впился во время боя. Если он боевой товарищ пана Константы... Хотя, это о возрасте немного говорит. А на вид? Да, наверное, лет пятьдесят-пятьдесят пять. Просто он такой уставший. Интересно, неужели из-за всех этих аномалий? Надо поговорить наедине и по душам. Он ведь сам обратился к шефу. И знал, что шеф пришлет человека, которому можно полностью доверять. Да, сейчас, после всех этих официальных представлений, нужно постараться остаться наедине и расположить генерала к себе. Это Янек еще с детства умеет. Может лучше любого психолога-психиатра в голову человеку залезть. Марченко считает, что у него, у Осинского, такой талант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.